

— Нет, малыш, — мягко возразил Арагорн, — ни один ребенок не должен иметь глубокое понимание войны, которое приходит только с опытом. Такое знание никогда не бывает нормальным, независимо от возраста, но особенно печально видеть его в ребенке. Невинность не должна быть омрачена войной. Элион размышлял об этих словах во время завтрака, пока эльфийская целительница осматривала его израненные ноги. Он уже давно не испытывал невинности. Дурсли отняли у него значительную часть ее, а последние, жалкие остатки, уцелевшие после смерти Седрика, были стерты в ночь, когда началась настоящая война. Тогда он не задумывался об этом, но большинство воевавших, включая его самого, были детьми, едва переступившими порог юности, когда их забросили в пучину сражений, где многие нашли свою гибель. Слова Арагорна пробудили в нем вопрос, который он никогда не задавал себе: а было ли все это правильно? Было ли правильно взваливать бремя войны на хрупкие плечи детей? Он не знал ответа. В те дни все казалось простым. Они сражались, потому что не хотели поддаваться тьме, потому что никто другой не мог этого сделать, и они были уверены в своей правоте. Элион и сейчас знал, что сражаться было необходимо, но теперь его мучил новый вопрос: а стоило ли вообще сражаться? Ответ по-прежнему ускользал от него. Он с силой отогнал эти мысли, когда в памяти всплыли лица погибших друзей. Элион прикусил губу, стараясь сдержать слезы. Они были мертвы, пали в той войне, в которой он был виноват. У него не было права оплакивать их. Сейчас он находился в новом мире, где о нем заботились, но боль утраты по-прежнему отравляла его существование. — Малыш? Элион? — обеспокоенный голос Арагорна проник в его мысли. Изумрудные глаза Элиона моргнули, сдерживая зарождающиеся слезы. Большая, грубая рука рейнджера утешительно сжала его маленькую ладонь. Когда Элион не ответил, Арагорн с нарастающим беспокойством повторял его имя, пока, наконец, Элион не прошептал: — Вспоминать больно. Голубые глаза рейнджера были полны понимания. С невероятной мягкостью Арагорн протянул руку, и Элион, едва заметно колебаясь, взял ее. Арагорн повел его по коридорам Ривенделла с непринужденностью, свойственной глубокому знакомству. Элион крепко держался за его руку, благодарный за поддержку, которую ему оказывал рейнджер. С тех пор как он прибыл в Средиземье, Элион не ходил. После изменений, произошедших с его телом, ходить стало еще сложнее. Раньше он не замечал, но его невысокий рост нарушал равновесие, заставляя его цепляться за руку Арагорна, чтобы не упасть. Его шаги, неуверенные и спотыкающиеся, часто заставляли его врасплох. Когда это произошло в первый раз, Элион вздрогнул. Его глаза встретились с глазами рейнджера, тело напряглось, готовясь к удару или упреку. Однако Арагорн ни разу не повысил голос и не упрекнул его. Он просто замедлил шаг, чтобы ребенку было легче, и всякий раз, когда Элион терял равновесие, Арагорн поправлял его, прежде чем продолжить путь. На протяжении всего пути он был терпелив и добр, и Элион не мог не удивляться его поведению. Быстро он начал понимать, что доброта, с которой рейнджер относился к нему, была для него нормой. Когда они вышли из коридоров дома на балкон, их встретил звонкий смех. Пиппин убежал от разгневанного Мерри, а вода, стекающая с его мокрых волос, громогласно возвещала о том, что он только что стал жертвой очередного розыгрыша. Улыбка сменилась хихиканьем, когда Элион увидел, как Мерри поймал Пиппина и отправил его в полет на землю, а затем потряхнул мокрыми волосами младшего хоббита. Тот ответил, как только и может ответить нарушитель спокойствия, пойманный своей жертвой. Хихиканье Элиона привлекло внимание остальных хоббитов к их присутствию на балконе. Фродо повернулся к ним с улыбкой на лице, приветствуя их. Элион робко помахал рукой в ответ. Хотя Фродо разрешили встать с постели, было очевидно, что он еще не до конца выздоровел. Лицо хоббита было бледным, а правая рука и бок слегка подрагивали. Элион снова почувствовал, как его гложет чувство вины. Что бы ни говорили Арагорн и другие хоббиты, это не меняло того факта, что Фродо пострадал. Если бы он был немного проворнее или раньше понял, что огонь может повлиять на них, его могло бы и не быть. Это была лишь еще одна ошибка в длинном списке того, что произошло по его вине. Поэтому он был поражен, когда Фродо поднялся и подошел к нему, слегка наклонившись, чтобы смотреть прямо на него. — Спасибо, Элион, — искренне сказал хоббит, — если бы не

твои действия на Везертопе, вряд ли я выжил бы достаточно долго, чтобы добраться до Ривенделла. Элион неловко зашаркал ногами, чувствуя, что ничем не заслужил благодарности. — Не за что, — пробормотал он, все еще не встречаясь с хоббитом взглядом, поскольку знал, что в его травмах виноват он сам. К этому моменту остальные три хоббита собрались вокруг, на их лицах появились ухмылки. Первым заговорил Пиппин, его глаза сияли, а голос был весел, когда он приветствовал маленького мальчика. Прежде чем Элион осознал, что происходит, его втянули в какую-то игру. Он не понимал правил, но не мог удержаться от смеха, когда мужественно пытался убежать от хоббитов, но его ловили и щекотали всякий раз, когда он спотыкался или терял равновесие. Несмотря на царапины и синяки, которые Элион успел получить, падая во время игры, его удовольствие не уменьшилось ни на секунду. Даже когда игра в бега подошла к концу, а Элион и Фродо слишком устали, чтобы продолжать бег, улыбка не исчезла с его лица. Игра переросла в урок общего языка, и Фродо, довольный и готовый переводить, стал быстрее продвигаться вперед, хотя смех не умолкал. Элион так веселился, что только когда через несколько часов вернулся Арагорн и сообщил, что Элиону нужно отправиться в Зал Исцеления, он понял, что рейнджер ушел вскоре после начала игры, а он и не заметил. Арагорн вел его обратно в Залы Исцеления, снова крепко держа за руку. В конце концов Элион решил, что в этом новом мире есть несколько человек, рядом с которыми он чувствует себя достаточно комфортно, чтобы расслабиться: Арагорн был одним из них, а хоббиты — другими. Арагорну он доверял больше всех, но рядом с хоббитами ему было очень комфортно, возможно, потому, что из всех людей, которых он встретил в Средиземье, они больше всего напоминали ему его старых друзей. Эта фамильярность проявлялась в их способности отвлечь его, особенно Мерри и Пиппина. Элион ерзал на кровати, пока Итильвен, склонившись над ним, осматривала его ноги. Она убеждалась, что ходьба и бег не оставили новых следов усталости. Удовлетворенная, она кивнула. Элион, нетерпеливо сполз с ложа, и любопытный взгляд его глаз устремился на Арагорна, который уже уверенно стоял на полу. Рейнджер, заметив этот пытливый взгляд, слегка улыбнулся и снова протянул руку. Элион, без колебаний, принял ее, и улыбка Арагорна стала шире. — Пойдем, — сказал он, ведя Элиона обратно в лабиринт коридоров, которыми был пронизан Ривенделл.

<http://tl.rulate.ru/book/103154/3587797>